

УДК [332.1+338.432+636](571.56)(045)

Проблемы развития традиционных отраслей арктического хозяйства (на примере Якутии)



© **Санникова** Яна Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Контактный телефон: +7 (4112) 36 41 33. E-mail: sannikowa@mail.ru.

В статье внимание уделено проблемам развития животноводства арктических и северных улусов (районов) Якутии в трансформационный период развития российского общества, сохраняющие свою актуальность, по сути, и по сей день. Изучение проблем сельскохозяйственного разви-

тия региона представленного периода должно стать одним из активных факторов, влияющих на проведение объективно правильной современной аграрной политики.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, коренные народы, традиционный образ жизни, социально-экономическое развитие региона.

The problems of the development of the traditional branches of the Arctic economy (on the example like Yakutia)

© Yana M. **Sannikova**, Candidate of Historical Sciences, Fellow of the Institute of Humanitarian Studies and minorities of the North SB RAS. Telephone: +7 (4112) 36 41 33. E-mail: sannikowa@mail.ru.

Abstract

In this article attention is paid to the problems of livestock development of the Arctic and northern ulus (district) of Yakutia in a transformational period in the development of Russian society, which retain their relevance, in fact, to this day. The study of problems of agricultural development in the region of the period should be one of the most active factors affecting the conduct is objectively correct current agricultural policy.

Keywords: traditional farming, indigenous peoples, traditional lifestyle, socio-economic development of the region.

При изучении развития Якутии, экономики и ее традиционных отраслей необходимо учитывать природно-хозяйственное, эколого-экономическое районирование, сельскохозяйственное зонирование. Исторически сложившаяся хозяйственная специализация 15 арктических и северных (субарктических) улусов соответствует комплексному характеру развития традиционного хозяйства. В Аллаиховском, Анабарском, Булунском, Нижнеколымском, Усть-Янском, Оленекском, Жиганском районах специализировались на оленеводстве и промыслах; в Верхоянском, Момском, Оймяконском, Томпонском, Эвено-Бытантайском районах преимущественно занимались оленеводством, коневодством, скотоводством и промыслами; в Абыйском, Верхнеколымском и Среднеколымском районах – в основном скотоводством, коневодством и промыслами. Ведущей отраслью агропромышленного комплекса Якутии неиз-

менно оставалось животноводство, представленное на Севере оленеводством, коневодством, разведением крупного рогатого скота.

Осуществление аграрной реформы 1990-х годов привело к тому, что сельское хозяйство республики на длительный период времени оказалось в состоянии кризиса. Основными причинами такого результата являлись, по мнению специалистов, ряд факторов: свертывание инвестиционной деятельности, разрушение материально-производственной базы и снижение научно-технического уровня сельского хозяйства; проблемы обеспечения сельскохозяйственного труда, падение жизненного уровня и снижение качественного состава работников сельского хозяйства; деградация земель сельскохозяйственного пользования; сокращение поголовья животных основного стада [1, с. 12; 2, с. 92].

В 1990 году началась реорганизация 19 оленеводческих совхозов в государственные унитарные предприятия, **общинно-родовые хозяйства**. Процесс образования родовых общин особенно активизировался с 1992 года после принятия закона Республики Саха (Якутия) «О родовой кочевой общине коренных малочисленных народов Севера». Небольшие общины состояли из одной – трех семей; обычно это были родители и их взрослые дети со своими семьями. Крупные общины состояли из территориально-соседских объединений. Например, одна из первых эвенских общин «Ойотунг», образовавшаяся в 1991 году в Аллаиховском улусе, объединила бывших жителей эвенского поселка Ойотунг, переселенных в период кампании по укрупнению совхозов в новый поселок Оленегорск. Община не была мононациональной, в нее, кроме эвенов, входили якуты, юкагиры, русские. В общину «Малтан» Момского улуса из 57 человек вошли пять – семь «больших семей» эвенов и якутов; в союз оленеводческих общин «Томпо», образовавшегося на базе бывшего совхоза «Томпонский» – 115 человек (эвены и якуты) [3, с. 37]. К 1998 году родовые общины республики имели около 47 млн га земли, в основном это были олени пастбища и охотничьи угодья. На 1 января 1999 года в собственности родовых общин находилось 73 тыс. оленей – 35,2 % от всего поголовья оленей в Якутии, в государственных предприятиях – 97,2 тыс. голов (46,9 %), в личной собственности оленеводов – 36,4 тыс. голов (17,6 %) и совсем незначительная часть принадлежала крестьянским хозяйствам. Существенных различий в организации оленеводческого хозяйства в образовавшихся на базе совхозов крупных общинах, государственных предприятиях не было. И те, и другие не могли длительное время выплачивать заработную плату оленеводам, в основном люди жили за счет самообеспечения продуктами охоты, рыболовства и за счет продажи предпринимателям и частным лицам рыбы, мяса дикого оленя, пушнины. В этот период произошло резкое сокращение поголовья оленей. В республике Саха (Якутия) с 1990 по конец 1998 года поголовье сократилось на 51 % – с 361,5 до 177,0 тыс. голов. По мнению экономистов, сокращение поголовья оленей шло за счет того, что в подавляющем большинстве хозяйств травеж и потери оленей составили более 70 % от непроизводительного отхода. Прежде всего это говорило о плохо организованной работе оленеводов, их слабой заинтересованности в результатах труда, об отсутствии круглосуточной охраны оленей. Так, например, в ГУП «Борогонское» Булунского улуса за десять месяцев одного календарного года допустили непроизводительный отход каждого пятого взрослого оленя (587 голов из 3 635 голов на начало года) и, кроме того – отход полученного молодняка (17,7 %). Основной отход приходился

на июнь – октябрь. В этот период стада либо не охранялись круглосуточно, либо охранялись одним пастухом, а не двумя. В то же время, несмотря на повсеместные трудности, некоторые хозяйства имели высокие показатели. Так, кочевая родовая община «Нутенди» Нижнеколымского улуса имела бригаду из девяти пастухов и пяти чумработниц, где был установлен порядок круглосуточной охраны и управляемого выпаса стада, как требует республиканский стандарт. В итоге бригада П. И. Неустроева по итогам осеннего переучета на 1 ноября 2000 года в стаде с поголовьем 1 720 оленей добилась сохранности взрослых оленей на 90,1 % и делового выхода телят на 78,1 % только лишь за счет круглосуточной охраны стада, хотя и их оленей тоже беспокоили волки [4, с. 88–89].

За 1985–2000 годы поголовье оленей по изучаемым 15 арктическим и северным улусам сократилось на 224 944 головы (с 344 117 до 119 173 голов), то есть на 34,6 % [5, 2005]. В 1990 году 85,1 % поголовья оленей республики находилось в данных улусах, в 2000 году – 76,3 %. Самый большой процент сокращения поголовья пришелся на 1990–1995 годы: по РС(Я) – на 114,3 тыс. голов, в том числе по 15 улусам – на 105 227 голов, то есть 92 % сокращения. В Верхоянском улусе за 15 лет количество оленей сократилось в 15,2 раза (!), Абыйский, Верхнеколымский, Аллаиховский, Усть-Янский, Оленекский, Булунский улусы потеряли в среднем от 82 до 68 % поголовья оленей. Анабарский, Томпонский улусы потеряли меньше всех – в них поголовье сократилось в 1,5–1,7 раза. Остальные улусы потеряли в среднем половину и более численности своих оленей. Только в Верхоянском улусе численность оленей увеличилась за 2000 год на 197 голов, что скорее связано с закупкой новых оленей.



Рисунок 1. URL: <http://alexandr1955.com/?p=1055> (дата обращения: 31.03.2012)

В половине арктических и северных улусов (Верхоянском, Среднеколымском, Томпонском, Оймяконском, Абыйском, Верхнеколымском, Момском и Эвено-Быгантайском) зани-

мались разведением крупного рогатого скота и лошадей в производственном отношении. Наибольшее количество крупного рогатого скота было в Верхоянском улусе, в 1985 году – 10 704 головы, в том числе 4 218 коров. В 1995 году, к завершению основного этапа аграрной реформы, поголовье улусного крупного рогатого скота составило 7 549 голов, в том числе 3 493 коровы. Поголовье скота за 10 лет сократилось на 29,5 %, в том числе на 17,2 % коров. По данным улусного управления сельского хозяйства, с 1990 по 1995 годы численность крупного рогатого скота уменьшилась на 19 %, лошадей – на 12 %. В то же время из 15 сельскохозяйственных предприятий улуса девять совхозов и коллективных предприятий понизили надой молока: в среднем было получено по 1 165 кг молока от одной коровы за год, в 1988–1989 годы – в среднем 1 879 кг.

Сам процесс ухода за крупным рогатым скотом не претерпел в технологическом плане больших изменений, приходилось говорить об организационных моментах – племенная работа не проводилась несколько лет подряд, отсутствовали специалисты. В связи этим произошло понижение племенных качеств крупного рогатого скота и лошадей, выжили только 77 % телят и 42 % жеребят; наблюдалась низкая продуктивность животноводства [6; 7]. В 1995 году в улусе было 55 крестьянских хозяйств, им было выделено 5 273 га земли, в том числе прямого сельскохозяйственного назначения – 3 287 га. Также в улусе имелось к этому времени 266 сайылычных хозяйств, владевших 1995 га земли. По состоянию на 1 октября 1995 года в крестьянских и подсобных хозяйствах находились 48,2 % крупного рогатого скота и 14,8 % лошадей. За девять месяцев 1995 года они произвели 207 т мяса (28,3 % от общеулусного объема) и 2 332 т молока (58,1 %). В связи с отсутствием централизованной организации труда в крестьянских и личных хозяйствах заготовительного направления, они работали в очень тяжелых условиях и не могли использовать свой потенциал из-за организационных препятствий. Незначительный рост поголовья в их хозяйствах был, но крестьянские и личные хозяйства все свои усилия направляли на то, чтобы как-то обеспечить себя. У них не имелось нормальных условий для реализации своей продукции, произведенной невероятным трудом в условиях недостаточной кормовой базы, высоких цен на услуги и ГСМ. Для отдельных хозяйств отсутствие перерабатывающего предприятия на уровне улуса не позволяло в полном объеме реализовать произведенную продукцию [6, 7].

За 1985–2000 годы поголовье крупного рогатого скота в арктических и северных улусах сократилось на 13 333 головы (с 35 380 до 22 047 голов), то есть на 37,7 %. В 1990 году в данных улусах находилось всего 8,3 % поголовья скота республики, в 2000 году – 7,6 %. В Верхоянском, Среднеколымском, Томпонском улусах имелось наибольшее количество скота и именно в них произошло сокращение поголовья за 15 лет почти в два раза. Совсем не было крупного рогатого скота в Анабарском улусе. Поголовье коров по 15 улусам сократилось на 32,4 % (с 13 777 до 9 317 голов), в среднем пропорционально уменьшению всего крупного рогатого скота. Относительно республиканских данных все эти 15 лет поголовье коров северных и арктических улусов сохранялось в доле в 9,1–8,5 %.

Численность лошадей в 15 улусах за 15 лет сократилась на 9 138 голов, или на 26,1 %, но если учитывать, что в 1990 году по сравнению с 1985 годом шло увеличение количества лошадей, то за 10 лет поголовье лошадей сократилось на 11 387 голов (с 34 936 до 25 798

голов), то есть на 30,6 %. По всей республике количество лошадей уменьшилось на 35 %, или на 70,0 тыс. голов. Наибольшее количество лошадей к началу изучаемого периода было в Верхоянском, Среднеколымском, Оймяконском улусах, причем за 15 лет Верхоянский улус потерял почти половину поголовья лошадей – 42,6 %, Среднеколымский улус – от 13,8 до 26,7 %, Оймяконский улус – 20,5 %.

Как следствие, из-за сокращения поголовья и низкой продуктивности животноводства в 15 изучаемых улусах наблюдалось резкое понижение объемов производства мяса и молока. Так, за 1990–2000 годы объем производства мяса в северных и арктических улусах упал на 9 671 т (с 13 660 до 3 989 т в живом весе), или в 3,4 раза. В общереспубликанском масштабе производство мяса уменьшилось на 51,3 %, на северных территориях – на 70,7 %. Если в 1985 году 15 изучаемых улусов дали 20,7 % от общего объема производства мяса, то в 2000 году – всего 12,4 %. Производство молока в них занимало от общереспубликанского объема в 1985 году 10,0 %, а в 2000-м – 7,7 %. За 1990–2000 годы, как в целом по республике, так и в изучаемых улусах, объем производства молока упал на 38,6 % (с 26 863 до 12 710 т).

Проблемы развития северного животноводства, в первую очередь выражаемые в колоссальном снижении поголовья и уменьшении уровня производства мяса и молока, в чисто экономическом плане дают возможность просчитать убытки трансформационного периода развития традиционного хозяйства. Но главные издержки видятся в целом в социальных последствиях трансформаций для развития всей традиционной хозяйственной системы, включающей экономику, социальное устройство, демографию, природопользование и экологию традиционного общества. Основными социальными проблемами для аборигенных народов республики стали:

- ✚ ухудшение демографической ситуации – снижение рождаемости;
- ✚ нарушение половозрастной структуры населения,
- ✚ повышение уровня смертности, особенно детской и в трудоспособном возрасте;
- ✚ ухудшение социально-бытовых и санитарно-гигиенических условий;
- ✚ распространение алкоголизма;
- ✚ резкое падение уровня медицинского обслуживания;
- ✚ рост безработицы;
- ✚ низкий уровень профессионального образования, создающий серьезные проблемы при подборе кадров хозяйственных структур;
- ✚ упадок традиционных отраслей хозяйства;
- ✚ нарушение экологического баланса территорий.

Становление рыночных отношений и изменение политической системы в стране отразились на судьбе каждого человека. Преобразования в традиционном хозяйствовании в новейшей период истории республики были не первыми с начала XX века, в корне изменившими условия жизнедеятельности людей, занятых в данной сфере, и саму структуру ведения традиционного хозяйства. Резкий, в определенной мере стихийный процесс перевода традиционных отраслей Севера на частную хозяйственную основу и быстрые, навязываемые сверху, темпы возврата к исконному образу жизни сопровождались огромными издержками социально-экономического характера. Единственное, что по сравнению с другими периодами

оставляет надежду на успешность конечного результата трансформаций в развитии традиционного хозяйства северян, это то, что их чаяния и пожелания будут услышаны и учтены в последующей разработке механизмов реализации аграрной политики в целом. Для этого необходимы комплексные исследования традиционного образа жизни тружеников села, анализ причин и следствий их истинного социально-экономического положения. Их результаты смогут помочь в реализации конкретных планов по достижению достойного материального благополучия. Как в целом в развитии традиционного хозяйства Севера и всего сельского хозяйства Якутии, так и самой их важной отрасли – животноводстве, успешность и устойчивость развития будут зависеть от адекватного комплексного подхода ко всей системе традиционного образа жизни сельского коренного населения.

Литература

1. Борисов Е. А., Дарбасов В. Р. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) (экономика, опыт, рынок). Якутск, 1997.
2. Ковлеков С. И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг. // Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991–1996 гг.); проблемы коренных преобразований. Якутск, 1999.
3. Клоков К. Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч.1: Республика Саха (Якутия). СПб., 2001.
4. Сыроватский Д. И. Меры пресечения спада оленеводства // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск, 2001.
5. Здесь и далее все данные по животноводству даны по: Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Арктики: трансформации в новейший период (на примере РС(Я)): Научный отчет 2005 г. Якутск. ИГИ АН РС(Я). 122 с.
6. Газета Верхоянского улуса «Дьааны уоттара». 1989. 21 янв.; 1990. 13 янв.; 1995. 20 дек.
7. Текущий архив Министерства сельского хозяйства Республики Саха (Якутия). Ф. 55. Оп. 1. Д. 11 (усл.). Л.12–15; Там же. Ф. НАОК «Таба». Оп.1. Д. 3. Л. 7.

Рецензент – Сидоровская Татьяна Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент.